

Е.П. Педчак

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Стихотворение Лермонтова отличается очень выразительной интонацией: постепенным интонационным нарастанием, интонационной градацией.

Это находит прямое выражение в строфическом строении и единоначатии (анафоре); каждая из строф начинается союзным словом *когда*: *когда волнуется желтеющая нива... когда росой обрызганный душистой... когда студеный ключ играет по оврагу...* Интонационная градация есть и внутри строф, особенно в первой строфе: в ней три соподчиненных предложения, объединенных повторяющимся союзом *и*, по существу, заменяющим союзное слово *когда*: *когда волнуется желтеющая нива и свежий лес шумит... и прячется в саду малиновая слива* (ср. *Когда волнуется нива, когда лес шумит...*). Во второй строфе градация союзом *иль*: *...румяным вечером иль утра в час златой...* В третьей строфе — два сказуемых, соединенных союзом *и*, но разделенных деепричастным оборотом, и это усиливает градацию:

...студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу...

Встает вопрос: в каком соотношении интонационная структура стихотворения находится с его содержательной стороной?

Восходящую градацию можно отметить и в содержательной структуре лермонтовского стихотворения.

Она проявляется двояко: от первой строфы к третьей нарастает концентрация (от множества к единству) предметов, мест и времени; возникает и усиливается одушевление, а затем и олицетворение природы.

В первой строфе три предмета, три места, а следовательно, и три момента времени (восприятие разных предметов в разных местах не одновременно): *нива — лес — слива*. Во второй строфе — один предмет (*ландыш серебристый*), одно место (*из-под куста*), но два момента времени: *румяным вечером, утра в час златой*. В третьей строфе классическое единство предмета, места и времени: *студеный ключ игрист по оврагу и... лепечет мне таинственную сагу*; иное место только упоминается: *лепечет... сагу про мирный край, откуда мчится он*.

Одушевление и очеловечение природы, едва зародившись в первой строфе, усиливается во второй и достигает вершины в третьей.

В первой строфе природа представлена как объективная данность, она лишь созерцается лирическим героем.

Но одушевление и очеловечение природы зарождается уже здесь, в первой строфе: *И прячется в саду малиновая слива...* Способность прятаться — свойство одушевленных существ.

Во второй строфе ландыш серебристый уже очеловечен: он *приветливо кивает головой*; указан и адресат обращения: *мне*. И только *студеный ключ* (третья строфа) очеловечен полностью:

Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он.

Это собственно человеческое, речевое общение.

Четвертая строфа (интонационное понижение) содержит «ответную реакцию» лирического героя на обращение к нему природы:

Тогда смиряется души моей тревоги,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Четыре предмета, четыре места: *тревога* — в душе, *морщины* — на челе, *счастье* — на земле, *Бог* — в небесах. Но все это через преодоление исходного состояния душевного, социального и даже физического как симптомов состояния душевного, прямо не названного, но отчетливо предполагаемого: *тогда смиряется души моей тревога* (следовательно, тревога души есть или была), *тогда расходятся морщины на челе* (следовательно, морщины на челе были, есть), через прозрение: *и счастье я могу постигнуть на земле* (следовательно, раньше это не удавалось), все это сливается воедино — в просветление героя.

Особого внимания требует последняя строчка стихотворения. Ее можно прочитать (и понять) двояко: с выделением логическим ударением слова *вижу* с выделением слова *Бога*.

Первое чтение предполагает знание того, что Бог «живет» в небесах (и это соответствует «обычному» представлению), но он виден (духовно, конечно) не всегда, и герой его видит только в минуты просветления. Второе чтение исходит из того, что в небесах бытует многое, а для Лермонтова там прежде всего — *печальный Демон, дух изгнания*, но вот его герой, опять-таки в минуты просветленья, в небесах видит *Бога*.

Таким образом, первое чтение соответствует «обычному» представлению рядового читателя, второе — обычному мироощущению Лермонтова. Какое же чтение предполагается в данном случае? Второе: оно не только соответствует обычному мироощущению поэта, но и вытекает из синтаксического построения двух последних строк:

И счастье я могу постигнуть на земле
И в небесах я вижуБога —

это хиазм — перекрестное расположение синтаксических членов: *счастье* — на земле // в небесах — Бог. И если в предпоследней строчке выделяется слово *счастье*, то в последней — слово *Бог*.

Итак, природа, общение с ней дает поэту и его лирическому герою умиротворение (...*смиряется души моей тревога*) и постижение счастья на земле. В выражении этой мысли участвуют все языковые средства, в их числе — композиция, синтаксис и интонация. Особое, центральное положение в этой совокупности языковых средств принадлежит лексике: она создает смысловую, понятийную основу художественных образов.

В связи с «природной» частью стихотворения поэту в свое время были сделаны прямые упреки в «смешении сезонов»: *желтеющая нива* — начало осени, *ландыш серебристый* — весна. Здесь будто бы «перемешаны и климаты, и времена года». Упрек этот неоснователен и должен быть отведен: он был сделан с позиций «поэзии земледельческого труда», а стихотворение Лермонтова относится к иной сфере жизни человека. Если бы поэтическое творчество определялось холодным расчетом, то можно было бы даже сказать, что «смешение сезонов» входило в прямые намерения поэта. Более того, смешение сезонов в этом стихотворении дополнено, как было отмечено ранее, «смешением» и периодов дня и ночи: *румяным вечером иль утра в час златой*, а также смешением мест: *поле, лес, сад, овраг* и т. п. Поэту как бы нужно было показать, что всегда и всюду, где и когда мир прекрасен, там и тогда человеку легко и он может постигнуть счастье. Подобные «смешения», таким образом, не «промах» поэта, а его большая удача. И поэт достиг своей «цели»: стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» по праву считается шедевром русской и мировой лирики.

Стихотворение написано шестистопным ямбом.